

**ЛЕГЕНДЫ
СУМЕРЕЧНОЙ
ЭПОХИ**

ЕЛЕНА ЕРШОВА

НЕЖИВАЯ ВОДА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е80

Серийное оформление – *Яна Паламарчук*

Художник – *Алексей Гонтов*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ершова, Елена.

Е80 Неживая вода : [роман] / Елена Ершова. – Москва : Издательство АСТ, 2016. – 352 с. – (Легенды Сумеречной эпохи).

ISBN 978-5-17-097345-3

Отгремели войны, и остатки былой цивилизации постепенно окутываются тайнами и слухами, пока не превращаются в источник страхов и суеверий. В одну из таких деревенок, затерянных среди таежных лесов, приезжает молодой парень Игнат. Его малая родина хранит много страшных секретов, да и на что только не пойдут запуганные жители, чтобы сохранить привычный жизненный уклад. Игнату придется столкнуться со злой потусторонней силой, наводящей ужас на северные регионы Южноуделья. Пытаясь вернуть прошлое и воскресить погибшую подругу, он заключает с нечистой сделку. Но так ли просто выполнить уговор? Ведь только человек бескорыстный и чистый сможет через запретные земли пройти и с мертвой водой вернуться...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097345-3

© Е. Ершова, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ЧАСТЬ 1

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДУРАЧОК

Струясь вдоль нивы, мёртвая вода
Звала меня к последнему забытью.

Ф. Салогуб

1

Ссевера надвигалась навь.
Сквозь переплетение ветвей Игнат пытался разглядеть набухающее снежной тяжестью небо. Красноватые стволы сосен темнели, словно кто-то медленно закрашивал лес черной акварельной краской. Ветер перебирал хвою, и лес наполнялся сухим шорохом — так могли шуршать жуки в спичечном коробке или крысы в сыром и темном погребе.

Игнат прислушался, пытаясь уловить в стылом осеннем воздухе перестук дятла, или шорох встревоженной куницы, или треск сухостоя.

Ничего. Только мерное дуновение ветра, только шуршание сосновой хвои.

Мальчик знал, отчего лесные жители попрятались в убежища: они тоже чувствовали приближение нави.

— Бу!

Раздавшийся прямо над ухом голос заставил шархнуться и обернуться. А Званка — эта невыносимая резвушка Званка — залиvisto хохотала и приговаривала:

— Испугался, Игнашка-дурашка! Испугался, Игнашка-замарашка!

В ее голосе не было злобы, поэтому Игнат никогда не обижался на подругу. К тому же она всегда защищала Игната перед местными хулиганами, когда те осивстывали и кричали вслед: «Дурак! Дурак пошел!»

Отсмеявшись, девочка примирительно сказала:

— Обиделся? Не обижайся, но видел бы ты себя со стороны!

Она усмехнулась снова, и на щеках появились ямочки. В озерной сини глаз мутили воду бесенята.

— О чем задумался-то?

Игнат снова задрал подбородок и ткнул пальцем в вышину:

— Там. Навь идет.

Званка проследила за его жестом. Искрящиеся глаза погасли, налились тревогой.

— Брось. Это снежная буря.

— С первой снежной бурей приходят навьи, — возразил Игнат. — Так бабушка говорит.

Он почувствовал, как рука девочки стиснула его плечо, и удивленно посмотрел на подругу. Глаза девочки расширились от испуга. Две тугие косы лежали на плечах, как подрубленные серпом пшеничные колосья. В волосах стеклянными гранями поблескивала голубая заколка-бабочка, подаренная Игнатом на прошлый Званкин день рождения.

— А баба Стеша когда-нибудь видала их? — шепотом спросила девочка.

Игнат покачал головой.

— Не, не видала. Да и как бы она тогда до своих лет дожила? Навьи никого в живых не оставляют. Зато рассказывала мне, как рассказывали ей, что навьи в прошлом году Красножары дотла спалили, а пацанов с собой забрали.

— Ой! — Званка подняла на Игната взгляд, полный страха и любопытства. — А мертвяков? Видала?

— Мертвяков видала. Собирала однажды бруснику на болотах да замешкалась. День на убыль пошел. Тут-то на

— Выбираться начала, вот и вечер, — продолжил Игнат. — А как из болота выходила, тогда и увидела мертвяка. Рассказывала: поднялся он из трясины, как высохшая коряга. Зеленые волосы лицо закрывают, руки скрючены, к ней тянутся. И запах такой, словно яйцо протухло.

— Фу! — Званка сморщила курносый нос. — Не хотела бы я с таким встретиться. А девушек болотных видала?

— И девушек видала. Все молодые, тела насквозь просвечивают. Жалуются они очень. Тяжко, мол, под гнетом трясины спать. А ходят они по миру, потому что душегубов своих ищут. Найдут — и зацелуют до смерти, утянут в болота.

— И какую только пакость в наших краях не встретишь! — воскликнула Званка и обвела взглядом притихший лес, будто ожидая, что из-за ближайшей сосны к ней потянутся скрюченные руки мертвяка. — Идем домой, а?

И потянула Игната следом, ступая по узкой тропе. Из-под ботинок доносились сухие щелчки.

«Будто жуков давишь, — подумалось мальчику. — Жуков-мертвеглавцев, что водятся глубоко под землей и питаются гнилым мясом...»

Он надеялся, что навь не дойдет до родной деревеньки. Может быть, разродится снегом где-то в тайге, распоров брюхо об острые иглы сосен. Или свернет на запад и осядет туманом в бескрайних болотах.

— А ну как дойдет?

Игнат понял, что задал вопрос вслух. Званка метнула недовольный взгляд.

— Ну что ты, в самом деле? — прикрикнула она. — Хватит пугать! Нет никаких чертей и навий, ясно? Зима наступает, просто зима! Нешто в школе не учился? Так каждый год бывает!

— Бабушка говорит, навьи...

— Даже если есть, — перебила Званка. — Тебе-то что бояться? Они тебя не тронут, дурачка.

А я вот расскажу бабушке Стеше, как ты сегодня к Жуленьскому бучилу ходил, она небось тебя ремнем пониже спины приласкает.

— Тебя саму родители ремнем приласкают, — буркнул Игнат.

— Кто ж тебе поверит? — усмехнулась Званка.

Игнат опасливо оглянулся через плечо: тучи на горизонте слились в исполинскую шевелящуюся пелену, и она подрагивала, будто шкура раненого зверя.

— Ой! — Званка остановилась, поджала ногу. — Да помоги же!

Игнат подал руку. Девочка оперлась о его плечо, начала стягивать с ноги стоптанный башмак.

— Иголка попала. Батя все обещал новые пимы купить, только ярмарки все поразъехались. Придется в город ехать. Федотыч подвезти обещал, когда грузовик починит.

Она принялась вытряхивать попавшую в ботинок хвою, шмыгая от усердия носом. Подтянула сползший носок, аккуратно заправила выбившиеся шерстяные гетры.

— В одном ты прав, вредный Игнашка-букашка, — сказала Званка. — Становится чертовски холодно!

— Возьми мою парку, — предложил Игнат.

Он взялся за пуговицы и принялся расстегивать старенькую оленью курточку, но Званка остановила его.

— Заболеешь, а мне снова черничное варенье тебе носи? Вот уж дудки!

Она пригладила растрепавшиеся косы, вздохнула. Игнат заметил, как взгляд скользнул за его плечо, туда, где шевелилась пелена туч.

— Пережить бы зиму, — строго, совсем повзрослому сказала Званка. — Пока дома тепло — никакие черти не страшны. Протянем до марта, а там

— Известно какая: весенняя. Помнишь, старшие говорили? Прилетит с востока птица вешая, голова человека, принесет с собой весну. И где она взмахнет левым крылом — там потечет вода мертвая. А где взмахнет правым — живая.

— Выдумки это, — без уверенности проворчал Игнат.

— Куда им! Ты ведь у нас — великий сказочник!

Званка рассмеялась, но потом посерьезнела, склонила набок голову.

— Игнаш, а Игнаш? А я тебе нравлюсь?

Мальчик исподлобья глянул на подругу. В ее сощуренных глазах снова заплясали бесовские огоньки.

— Только честно, ну?

Игнат неловко повел плечами, опустил взгляд.

— Нравишься...

И почувствовал, как на его плечи легли ладони.

— Тогда поцелуй меня? Прямо сейчас.

— Ты чего это? Чего смеешься, а?

— Вовсе я не смеюсь, — голос Званки был серьезен, решителен. — А вдруг мы с тобой последний раз видимся? Вдруг меня навь заберет, что тогда? Я ж ни разу в жизни не целовалась. А ты... ты не расскажешь никому. А если и расскажешь — кто поверит?

— Что ты ерунду-то говоришь? — Игнат почувствовал, как от ее прикосновений начинают разливаться теплые волны.

— И совсем не ерунду! — Званка еще сильнее впилась пальцами в его плечи. — Сам же сказал, что нравлюсь я тебе? Сказал! Ну, так целуй!

Она зажмурилась, вытянула обветренные на морозе губы, дохнув на Игната молоком и сладостью. И теплая волна в этот же миг достигла Игнатового сердца, обернула его жаркой, влажной рукавицей. В животе возникла ноющая тяжесть.

Званка ждала.

Тогда Игнат зажмурился. Неумело ткнулся растрескавшимися губами в ее ждущий рот. Больно ударились зубы. На языке сейчас же появился ржавый привкус чужой крови.

— Ай! Дурак! — Званка толкнула его в грудь, отпрянула.

Игнат тоже отступил и только виновато повторял:

— Прости, прости...

— Смотри, губу мне разбил! — Она несколько раз провела пальцами по рту, сердито глянула на оторопевшего мальчика. — Да что с тебя взять? Как есть дурень!

Званка усмехнулась, вытерла рукавом рот и уже совсем без злобы сказала:

— Ладно, пойдем домой. А то вправду родные ремня всыпят.

Игнат послушно побрел следом. Его губы горели, будто прикоснулись к раскаленной головне. Но жар спадал, а позади, подминая почерневшие стволы сосен, катился взбухающий тьмою вал.

«Пережить бы зиму, — подумал Игнат. — А там придет новая буря — весенняя...»

Но до весны Званка не дожидла: на закате навь достигла деревни.

2

За те несколько лет, что Игнат провел в интернате, трагические моменты жизни изгладились из его памяти. Прочие дети поначалу пытались над ним подсмеиваться, но на глупые дразнилки Игнат не обижался. Когда же один из самых несносных воспитанников интерната довел пакостями, тычками и подзатыльниками, терпение Игната лопнуло, и он врезал пацану так, что тот полдня прохныкал в медицинском кабинете, изведя пачку салфеток на свой расквашенный нос.

Со временем он превратился из нескладного подростка в крепкого юношу с копной темных кудрей и наивным, по-детски растерянным взглядом. Наверное, именно из-за этого взгляда потерявшего щенка, а еще из-за врожденного простодушия Игнат ходил в любимчиках у воспитательницы Пелагеи, и когда настал момент прощания, провожала она тепло, с материнской заботой.

— Чем займешься-то? — спрашивала в день отъезда Пелагея, помогая утрамбовывать в чемодан растянутые свитера, полинявшие брюки и прочий Игнатов скарб.

— Поначалу дом надо в порядок привести, — отвечал Игнат. — А там видно будет. Руки у меня есть, прилежание тоже. Неужто работу не найду?

— Найдешь, найдешь, — улыбалась Пелагея. — Не дури только да от пьянства берегись.

— Не пью я, тетя Паш, — возражал ей Игнат. — Да и не курю. Зачем мне это?

— Вот и правильно, вот и хорошо. — Пелагея кивала, заворачивала в дорогу только что испеченные, с пылу с жару, ватрушки. — Работу найди, девушку работающую, и живи себе с Богом.

Игнат вздыхал, улыбался виновато.

— Кто ж за меня, тетя Паш, пойдет?

«А Званка? Пошла бы?»

Мысль, вспыхнувшая в голове спустя столько лет, будто свеча в темной кладовке, в первый момент испугала его. Но тогда Игнат не придавал этому большого значения. Ему предстояла самостоятельная, взрослая жизнь. Попрощавшись с Пелагеей, Игнат отправился на вокзал. И поезд, медленной гусеницей отползающий от станции, снова делил на куски Игнатову судьбу, отрывая его от прошлого.

Теперь, поставив старенький чемодан на грязный бетон солоньского перрона, Игнат почувствовал легкий укус беспокойства. Словно морозный воз-

дух родной земли, войдя в его легкие, разорвал застарелый шов.

Вот тогда-то перед его внутренним взором всплыло светлое и строгое лицо Званки. Но не той, что осталась лежать грудой изломанной плоти, а той, какой Игнат запомнил ее в лесу: голубые озера глаз и светлые косы, спадающие на плечи. Званка улыбнулась Игнату знакомой и теплой улыбкой и шепнула: «С возвращением...»

Воздух сразу прогрелся. Игнат задержал дыхание и зажмурился, чувствуя, как забытый страх смыкается над его головой, будто толща воды. И тогда рядом прозвучал обычный, человеческий и вполне реальный голос:

— Игнашка! Ты ли это, щучий сын?

Игнат удивленно распахнул глаза и жадно глотнул морозного воздуха. Навстречу приближался долговязый мужчина в овчинном тулупе.

— Ну, что рот разинул, дурень этакий? Дядьку Касьяна не признал?

Мужчина улыбался радостной, немного пьяной улыбкой сквозь заросли запущенной бороды. Крупный, покрасневший от мороза нос, разбегающиеся от уголков глаз морщинки и размашистая походка всколыхнули в памяти Игната давно забытые картины.

— Дядя Касьян! — рот Игната разъехался в простодушной улыбке. — А как же не помнить-то? Кто ж меня лесному промыслу обучал да на лыжи ставил?

Поравнявшись с Игнатом, мужчина в охапку сграбастал паренька, захлопал широкими ладонями по плечам.

— Охо-хо! Совсем заматерел! Залохмател-то как! Был-то куренком, на один ноготь положить, другим придавить. Надолго ли к нам?

— Насовсем, дядя Касьян.

Игнат высвободился из медвежьей хватки Касьяна, заморгал слезящимися глазами. Сивушный дух, исходящий от мужчины, валил с ног.

— Неужто совершеннолетний стал? — спросил тот. — Сколько же годков прошло?

— Лет пять, — с улыбкой ответил Игнат. — А вы как поживаете? Все ли в Солони по-прежнему?

— Поживаем мы известно как: ни шатко ни валко, — Касьян махнул рукой в драной рукавице. — Сегодня работа есть, завтра нету. Урожая родится мало, да и зверья в лесах поубавилось. А все после той беды...

Касьян понизил голос и пугливо огляделся по сторонам, словно опасаясь, что его могут подслушать непрошенные свидетели. Но никого рядом не было. Поезд давно покотился дальше, болезненно чихая и выбрасывая в воздух столбы едкого дыма. Платформа была тиха и безлюдна. И ноющее чувство беспокойства снова зашевелилось где-то глубоко в Игнатовой утробе.

— Где ж ты жить будешь? — переменяя тему, заговорил Касьян. — В бабкином доме, что ль?

— В нем, — подтвердил Игнат. — Цел ли?

— Цел, что ему будет. Как бабка Стеша померла, так и пустует, а посторонние к нам не суются. Вымирает деревня-то.

Они снова помолчали. Касьян вздохнул, обдав Игната запахом перегара.

— Да что лясы точить. Поехали, сам посмотришь. Колымага вон моя! — Касьян махнул в сторону стоянки, где стоял побитый, подлатанный, но все еще на ходу, внедорожник. — Думал, куниц или белок настрелять в бывших егерских угодах. Эх, жизнь...

Он не договорил, покачал косматой головой. Игнат понял, что хотел сказать Касьян: там, где проходит навь, — жизнь умирает.

Несмотря на работающую печку, в кабине было довольно холодно. Игнат поднял ворот парки и глубже нагнул на уши беличью шапку, чтобы не замерзнуть. Пар вырывался изо рта белыми облачками, оседал на стеклах и замерзал на них, образуя сплете-

ние морозных узоров. Касьян время от времени протира лобовое стекло, матерился, пересыпал мат прибаутками и байками из деревенской жизни. Игнат узнал, что старый Михей поссорился со своей женой и выгнал ее из дома. Что семнадцатилетний Фимка обрюхатил девчонку в соседнем селе Малые Топи, за что его приходили бить малотопинские мужики. Что работа есть только на лесозаготовках или в карьерах, где добывают уголь и молибден. Все это Игнат слушал, иногда дыша на заиндевевшее стекло и протирая в нем круглые оконца. В них он мог видеть, как по бокам узкоколейки мелькают красноватые стволы сосен, будто облитые кровью, но старательно гнал из головы дурные мысли.

Скоро показались дома — бревенчатые срубы, кажущиеся черными на фоне серого полотна неба. Из печных труб валили дымные клубы, доносилось приглушенное мычание коров.

— Узнаешь родные места? — с ухмылкой спросил Касьян.

Игнат кивнул, хотя деревня показалась ему чужой. То ли за прошедшие годы он успел позабыть облик покинутой Солони, то ли деревня одряхла, съежилась, и полуразваленные дома, как согбенные годами старухи, вкривь да вкось горбато жались у обочин.

«После сошествия нави, вестимо», — подумал Игнат и прикусил язык, будто боялся, что произнес тревожное слово вслух.

Касьян убавил скорость и, тяжело подпрыгивая на ухабах, повел внедорожник мимо изб. Игнат видел, как на крыльцо одного из домиков вышла пожилая женщина, укутанная шалью. В руках она держала корыто с просом, видно, вышла покормить кур. Касьян приспустил стекло и крикнул:

— Здорово, Матрен! А я Игнашку везу! Бабы-Стешиного внука, помнишь? Тут теперь жить будет!

Баба перехватила корыто одной рукой, другую прижала к груди и заголосила:

— Ах ты, боже мой! Да неужто Игнашку Лесеня? А мы уж думали, вовсе парень пропал! Сгинул! Ах ты...

Ее причитания становились все глуше, пока не превратились в невнятное бормотание, оставшееся далеко позади. Касьян подмигнул пассажиру:

— Видишь? Помнят тебя земляки.

Игнат смущенно улыбнулся, хотя на самом деле волновала его не встреча с селянами и не сплетни, которые, он знал наверняка, будут распускать за его спиной, а единственный дом, чья покосившаяся крыша показалась в конце деревенской улицы.

Дом бабушки Стеши. Родной дом его детства.

Правый бок дома был совсем черным, опаленным огнем. Окна, заколоченные досками крест-накрест, почему-то навевали на Игната тревожное и мрачное чувство.

Внедорожник подкатил к заваленному плетню и остановился.

— Приехали, парень, — прокомментировал Касьян и достал из-за пазухи кисет с махоркой. — Да не бойся, не трогал его никто. Все время заколоченным простоял.

— Спасибо, дядя Касьян, — поблагодарил Игнат и принялся вылезать из кабины.

Чемодан казался неподъемным и пригibas к земле, хотя почти все припасы были съедены в дороге, а дополнительная пара шерстяных брюк надета еще до прибытия на станцию. Игнат остановился, переводя дух. И вздрогнул, когда на плечо легла твердая рука.

— Хочешь, провожу? — Касьян тоже выбрался из кабины и теперь стоял рядом. — Вдвоем не так страшно.

Игнат молча кивнул. Ответить что-либо он не мог: рот склеило липкой слюной, а глаза щипало от пронизывающего ветра. Под ногами захрустел нетронутый снег, и Игнату показалось, что не он шагнул к дому, а изба прыгнула навстречу, перегородила путь. Черная